

DOI: 10.19181/inter.2022.14.3.2
EDN: GQSEVI

На подхвате у алгоритма, или истории поденщика платформенного капитализма

Ссылка для цитирования:

Абрамов Р. Н. На подхвате у алгоритма, или истории поденщика платформенного капитализма // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 3. С. 35–54. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.3.2>. EDN: GQSEVI

For citation:

Abramov R. N. (2022) In the Grip of the Algos: Stories of a Precarious Worker of Platform Capitalism. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 14. No. 3. P. 35–54. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.3.2>

Абрамов Роман Николаевич

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия;
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: rabramov@hse.ru

Маркетплейсы и сфера e-commerce находятся в авангарде перемен, связанных с развитием платформенного и цифрового капитализма. Изменения в характере найма и статусе работников компаний платформенного капитализма отражают общие тренды в области занятости. При этом труд сотен тысяч работников этого сегмента слабо изучен, а объяснения его природы носят преимущественно теоретический характер. Эта статья основана на анализе массива дневниковых записей российского социального этнографа Андрея Старовойтенко, который в течение почти двух месяцев работал в распределительном центре одного из ведущих российских маркетплейсов. Статья является частью рубрики, посвященной анализу материалов этнографического исследования труда в маркетплейсе. В статье обращается внимание на роль анонимизированных пространств маркетплейса в десубъективации работников, которые ощущают себя простым продолжением сложной цифровизированной социотехнической системы. В тексте говорится о месте цифрового надзора и контроля и о роли специального оборудования в интеграции неквалифицированного персонала в сложную алгоритмическую систему маркетплейса. Отдельно

рассматривается вопрос о десубъективации работников маркетплейса и ограничениях профессиональной социализации. Делается вывод о месте precariousного наемного труда в e-commerce с учетом стремления перевести неквалифицированных рабочих в состояние цифровых поденщиков, лишенных контрактных отношений с компанией. Для раскрытия основных сюжетов привлекаются исследования Amazon A. Делфанти, теоретические ресурсы неомарксистских интерпретаций сферы труда Ф. Руда, концепции легкого капитализма З. Баумана, избранные тезисы акторно-сетевой теории. Кроме того, статья обращается к примерам социальной критики труда на фабриках платформенного капитализма из современного кинематографа.

Ключевые слова: платформенный труд; цифровой капитализм; прекариат; поденщики; пространство труда; e-commerce; маркетплейс

Этот текст является результатом работы с полевыми дневниками Андрея Старовойтенко, написанными летом 2021 года в период включенного наблюдения в роли участника на одном из крупных складов и логистических центров известного российского маркетплейса, представляющего собой авангард современной электронной торговли (e-commerce). Ценность этих полевых материалов заключается, во-первых, в том, что они основаны не на опосредованных впечатлениях, полученных в ходе интервью, а на личном опыте работы в распределительном центре (РЦ), и во-вторых, в России до настоящего времени подобных эмпирических исследований почти не проводилось, хотя появились работы, где обсуждаются различные теоретические аспекты трансформации труда в парадигме платформенного капитализма [Шевчук, 2020]. Нужно сказать, что и за рубежом не так много подобных работ, хотя там история e-commerce намного дольше и богаче, чем в России [Bergvall-Kåreborn, Howcroft, 2014; Fernández-Macías, 2018]. Журналисты, исследователи, кинорежиссеры и гражданские активисты связывают экономику e-commerce и платформенного капитализма с глубокими изменениями в отношениях между работодателями и работниками и пересмотром самой системы найма и рынка труда, которая сложилась в период роста государства всеобщего благосостояния и сопровождалась гарантиями в сфере труда и социального обеспечения. Таким образом, сфера e-commerce, возможно, является передним краем происходящих перемен, которые уже начинают затрагивать значительную часть трудоспособного населения развитых стран.

Социальные проблемы и новые формы неравенства, возникающие сегодня в контексте пересборки системы найма, нашли отражение в современном кинематографе — в немецкой картине «Между рядами» (2018 г., реж. Томас Штубер) и в американском фильме «Земля кочевников» (2020 г., реж. Хлоя Джао). Первый фильм показывает сложившееся сообщество работников огромного склада-дискаунтера, расположенного на окраине одного из городов бывшего ГДР. Молодой главный герой попадает в сложившийся коллектив работников, унаследовавший черты советского трудового коллектива с взаимовыручкой

и наставничеством, и укореняется в этом сообществе. Кажется, что, несмотря на принадлежность к бедным слоям немецкого общества, работники дискаунтера смогли выгородить себе пространство солидарности, основанной на доверии, возникшем еще при совместной работе дальнбойщиками во времена ГДР. Тем не менее их это не спасает от травмы разрыва с навсегда ушедшим социалистическим прошлым, и наставник главного героя, научивший его практике вождения складского погрузчика (автокара), в конце фильма кончает жизнь самоубийством, вспоминая, как он работал дальнбойщиком.

«Земля кочевников» — это фильм-манифест, показывающий «другую Америку», не ту, что известна своими богатейшими IT-гигантами из Калифорнии и кипучей деловой активностью офисов транснациональных компаний, а пострадавшую от продолжающейся деиндустриализации, маргинализованную, обедневшую и живущую в мире бесконечной социальной и экономической депрессии. Фильм продолжает американскую традицию социальной критики капиталистической системы ведущими интеллектуалами, такими как Джон Стейнбек с его романом «Гроздь гнева» (1939 г.) и повестью «О мышах и людях» (1937 г.), основанными на личном опыте писателя, некоторое время бывшего сельскохозяйственным рабочим. Главная героиня фильма, пожалуй, наилучшим образом соответствует требованиям платформенных капиталистов — она одинока, трудоспособна, не привязана к месту, поскольку живет в автофургоне, в котором и передвигается по стране. Важно при этом, что она настолько «выброшена» из стабильной оседлой жизни, что готова браться за любую подработку, быть поденщицей там, где ей могут дать минимальный заработок. Прекарная занятость на гигантском маркетплейсе перед рождественскими праздниками — лишь один из эпизодов фильма, но он дает ясное представление о том, что происходит за цифровой витриной e-commerce. Я упоминаю об этих двух фильмах, потому что, во-первых, они в художественной форме откликаются на реальные изменения, происходящие в структуре занятости и появление огромной армии деклассированных работников нового типа, а во-вторых, отчасти эти фильмы находятся в резонансе с содержанием и настроением полевого дневника, так что их можно рекомендовать к просмотру для входа в тему цифровых поденщиков маркетплейсов.

Одной из наиболее интересных и свежих публикаций по теме антропологии труда в e-commerce является книга «Склад. Работники и роботы Амазона» канадско-итальянского исследователя А. Делфанти [Delfanti, 2021], основанная на интервью с работниками складов в США, Германии, Италии и Канаде. Автор характеризует Amazon как агента активных и непрерывных технологических изменений, нацеленных на рост эффективности и включающих в себя повсеместную алгоритмизацию и роботизацию, а также интенсивное развитие систем электронного надзора над персоналом: «Amazon находится в авангарде цифрового капитализма, а это означает, что он преуспевает в использовании цифровых технологий для максимизации частного накопления власти и денег» [Delfanti, 2021: 28]. При этом реальность труда низового персонала в Amazon описывается как «жестокая», приводятся примеры предпринятых различными организациями расследований, посвященных сверхэксплуатации работников

гиганта электронной коммерции [Delfanti, 2021: 123–134]. Жесткое обращение с сотрудниками касается не только прекариев, но и служащих и менеджеров центрального офиса, которые могут стать объектами гнева основателя компании Джеффри Безоса. Вслед за немецким социологом М. Альтенридом автор книги считает, что мы являемся свидетелями рождения «цифровой фабрики», в которой труд оказывается не только включен в материальные производственные циклы, но также находится в плотной сети алгоритмического контроля и надзора, что в совокупности выводит проблему отчуждения труда и сверхэксплуатации на новый невиданный уровень, давая компаниям платформенного капитализма получать сверхприбыли [Delfanti, 2021: 196]. За вдохновляющими новостями о головокружительных деловых успехах и впечатляющих технологических инновациях скрывается возвращение к практикам раннего капитализма с его использованием деклассированной, девалифицированной и лишенной не только собственности, но и идентичности рабочей силы, когда циклы найма и увольнения ускоряются. Эта цикличность на руку нанимателю в лице маркетплейса, в котором вся организация производства основана на симбиозе алгоритмов, системы цифрового надзора и оптимизированных производственных цепочек.

Российские лидеры e-commerce также стремятся к внедрению управленческих и технологических инноваций вслед за ключевыми мировыми игроками, хотя они находятся, скорее, в догоняющей позиции по отношению к Amazon. Тем не менее, книга А. Делфанти может рассматриваться как диалог с дневником, который является предметом моего анализа.

Методологическая специфика

В своем отклике на дневник я обращаюсь к нескольким связанным сюжетам, которые, однако, не охватывают всего содержания проделанной исследователем работы. Прежде всего, я рассматриваю связанные темы организации материального и алгоритмического пространства склада с процессом де-субъективации работника. Кроме того, я касаюсь вопросов профессионализации и обретения минимальных специальных знаний в процессе труда в распределительном центре маркетплейса и обращаю внимание на начатки солидарности сотрудников. Безусловно, дневник дает намного больше возможностей для аналитических интерпретаций и их лучше всего сделает сам исследователь и автор дневника.

Сложность работы над этим текстом заключалась в том, что я здесь являюсь наблюдателем второго порядка¹ — в моем распоряжении находились полевые дневники, написанные исследователем, работавшим с этим кейсом, и, конечно, я невольно воспринимаю мир маркетплейса через оптику, стиль, язык и мировоззрение автора дневника. Кроме того, дневник писался и для решения прикладных задач, а поэтому далеко не все аналитические

¹ Этот текст подготовлен мной в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

комментарии к нему в данном тексте могут быть проиллюстрированы прямыми цитатами из полевых материалов.

Эти и другие сюжеты работы с полевыми записями и «этнографическими текстами», где исследователи «ищут точку равновесия, разумный баланс интроспекции и объективации, сочетание реалистического и исповедального письма, одновременно пытаются избежать солипсизма и позитивизма» [Максимова, 2012: 130], уже описаны в методологических работах [Maanen, 1998]. Исследователи проблематизировали методологические проблемы работы с полевыми записями и рассматривали, как формируется «этнографическое письмо», которое затем превращается в «истории» и общее профессиональное знание [George, 2006]. Сложной процедурой является и переход от наблюдения к описанию в процессе этнографической работы, что формирует эпистемический зазор антропологического исследования [Sardan, 2015]. Важную роль играет и эмоциональная работа, и даже возникающие в ходе этнографической и антропологической полевой работы исследователя эмоциональные травмы [Гудова, 2019]: эмоции составляют неотъемлемую часть как работы с полем, так и аналитического фрейма. Весомый вклад в дискуссию о возможностях и методологических ограничениях этнографического изучения труда внесен и российскими исследователями [Пинчук, 2021].

Нужно отметить, что автор стремился взвешенно подойти к формированию корпуса дневниковых записей — преимущественно дневник содержит описание действий, работ, перемещений по пространству РЦ, коммуникаций с коллегами относительно процесса труда, а также ремарки, касающиеся впечатлений от работы с точки зрения удовлетворения трудом, усталости, утомления, выгорания:

«Монотонность сортировки и часы, проведенные в ожидании новой работы, кажется, лишь убивали способность к рефлексии и каким-либо размышлениям. Большую часть смены в моей голове навязчиво крутился один и тот же фрагмент из парафраза на вальс из “Медного всадника”, который я слушал утром. Когда я пытался наблюдать за происходящим вокруг меня, почти ничего из увиденного не складывалось в осмысленное действие».

Думаю, что внимание к собственному психоэмоциональному состоянию в течение работы было включено в исходную содержательную канву дневника. Мне казалось важным узнать не только что именно делает рабочий маркетплейса, но и что он чувствует при этом.

Я осознаю, что, называя исследователя «рабочим распределительного центра», я делаю большое аналитическое допущение — автор дневника не обычный (типичный) работник РЦ («поденщик платформенного капитализма»), и не только потому что он пришел туда делать исследование, а не зарабатывать деньги, но потому что он, очевидно, по своему социально-профессиональному статусу сильно отличается от тех рабочих маркетплейсов, что трудятся там много месяцев или лет — он молодой столичный интеллектual,

стремящийся получить научную степень по социальным наукам в одном из самых престижных университетов страны. С другой стороны, в дневнике есть упоминание, что до того, как его автор включился в проект, несколько человек пробовало начать включенное наблюдение, однако после двух-трех смен бросали этот опыт.

Исследователь выдержал больше месяца, и, значит, его оптика хотя, вероятно, и далека от «аборигенной», но является возможной для интерпретации реально происходящего за электронными фасадами маркетплейсов. Безусловно, это субъективный взгляд, однако и мой собственный взгляд был бы не менее субъективным, хотя, конечно, и другим.

Пространство «не-места» на складе

Исследователи сравнивают логистические и складские комплексы маркетплейсов с «не-местами» [Delfanti, 2021] — максимально анонимизированными, промежуточными, отчужденными, неспособными к присвоению и даже освоению, ведь, согласно М. Оже, «место начинается с того момента, когда оно, сочетая идентичность и систему отношений, определяется некоей минимальной стабильностью» [Оже, 2016: 26], чего нет в секторах маркетплейсов, которые являются не-местами. Не-места — это «пункты временного пребывания и промежуточного времяпрепровождения», которые формируют мир, «уготованный для одиночества индивидуальности, транзитного движения, временности и эфемерности» [Оже, 2016: 36]. Так, мы можем многократно бывать в одном большом аэропорту, но в силу его дизайнерской функциональности и монотонности снова и снова будем находиться в состоянии амнезии и дезориентации, проходя по его терминалам. Работник в этих не-местах тоже становится не-субъектом в прямом, практически материальном виде — перед входом в сектора РЦ все проходят довольно уничижительный тотальный досмотр и оставляют личные вещи (буквально практически все) в специальных ячейках с ограниченным временем хранения, и, если это время превышает, вещи просто выбрасываются службой безопасности, освобождающей ячейки для новых работников. Смартфоны (а это для современного человека больше, чем просто вещь, порой это часть его оцифрованной идентичности), зажигалки и прочие мелочи также остаются за пределами рабочей зоны, стерилизуя субъектность индивида, переводя его в режим функционирования не-мест:

«Она также отметила, что на смену можно приходить чуть раньше (в 7 или 7:30), но сильно задерживаться не стоит: “Однажды я закончила около девяти, но к этому времени в раздевалке твои вещи просто выкидывают, и их можно потом не найти”, — полагаю, под этим она имела в виду, что после окончания дневной смены охрана принудительно освобождает шкафчики для пришедших на ночную смену сотрудников».

«В раздевалке я получил номер шкафчика — 963 — и проследовал к нему. Шкафчик не запирался — кодовый механизм в очередной раз был переведен в положение “закрыто” и не переводился в открытое положение. В связи с этим я оставил в шкафу только одежду и обувь, а ценные вещи (телефон, ключи) оставил в ячейке около турникетов [предназначенной для хранения ценных вещей]. Раздевшись, я с формой в руках проследовал через турникеты. Охранник быстро проверил мои вещи, и я спустился вниз».

В полевом дневнике обращает на себя внимание специфика пространства логистического центра маркетплейса, которое производит ощущение «потерянности» у любого там находящегося, особенно если он новичок. Автор дневника детально описывает свои передвижения по гигантскому складскому комплексу, и все они связаны с дискомфортом, возникающим, во-первых, от того, что это тотально функциональное пространство максимально дегуманизировано, подчинено технической и коммерческой эффективности и буквально «высушено» в соответствии с заповедями «бережливого производства» (lean production), не оставляя места живому, кроме включения этого живого в неживую систему сборки и разборки, упаковки, распределения, погрузки, транспортировки и доставки:

«В целом, изнутри склад выглядит так: при входе человек попадает в пешеходную и транспортную зону, которая прямой линией идет сквозь все здание склада. Рядом с этой зоной, со стороны внешней стены, располагаются терминалы погрузки/разгрузки товаров; к ним подъезжает грузовой транспорт. Рядом с одним из терминалов находится зона с вендинговыми машинами и банкоматами, санузел и выход в курилку. Если смотреть вглубь помещения, за транспортной и пешеходной зоной находится зона с многочисленными рядами столов и тележек, за которыми работают сотрудники (возможно, это упаковка, раскладка и сортировка). В глубине зала стоят столы, за которыми сидят старшие (...). Наконец, за ними до потолка поднимается мезонин из шести ярусов. Около столов старших находится зона, в которой электроподъемник поднимает тележки с коробками на мезонин или спускает их вниз».

«Первый этаж мезонина во всех блоках имеет одну специфическую черту: пол на нем не железный, как на других этажах, а бетонный. Поэтому пол на первом этаже, как я быстро убедился, прохладнее, чем то, к чему я привык на верхних этажах Мб¹, и сидеть на нем было холодно».

¹ Условные обозначения изменены в целях анонимизации места и компании, где проводилось этнографическое исследование.

Впрочем, мыши вполне успешно живут своей жизнью и в этом пространстве, о чем упоминает автор дневника:

«Я поднял на этаж тележку и начал последовательно проходить ряды, поднимая с пола мусор и сбрасывая его в тележку. В основном мне попался мелкий мусор: остатки от шк-ленты, куски скотча, картонки. Однажды я обнаружил на полу раздавленную мышь-землеройку; в другой момент я заметил, как такая же мышь пробегает под одним из стеллажей».

Во-вторых, можно заметить, что пространство устроено таким образом, чтобы в нем было удобно товарам, компьютерным алгоритмам их учета, цифровым системам надзора и безопасности, механизмам, но не людям — люди должны сами найти себя в этом немом, «холодном» пространстве «не-человеческой» рациональности:

«Я прошел и направился к обычному входу около М4: насколько я помнил, на его двери висит маршрут до отдела кадров. Действительно, на двери входа висело объявление, информировавшее о том, что “отдел кадров переехал на М9!”, а также схема склада. Я понял, что мне нужно пройти в то же место, что и при оформлении, и пошел вдоль здания».

Можно сказать, что работа в этом РЦ не так ужасна, как труд металлургов в «горячем цеху» в промышленную эпоху, где все, от высокой температуры и грохота тяжелых механизмов до концентрации вредных веществ в воздухе, противоречит биологической природе человека. Но, судя по дневнику, складское пространство в своем роде испытывает психику и вестибулярный аппарат индивида — иногда это напоминает жесткие эксперименты с отключением всех органов перцепции в камере сенсорной депривации, как в рассказе Станислава Лема «Условный рефлекс», или пытку «музыкальной шкатулкой» в советском фильме «Ошибка резидента», когда советского разведчика помещали в стерильное и замкнутое пространство, в котором круглосуточно звучали звуки различной тональности, что сбивало психологические настройки организма, буквально сводило с ума.

Индивид постоянно ощущает собственную чуждость, хайдеггеровскую «заброшенность», находясь в этих пространствах, где техническое подчиняет себе сам способ существования субъекта, максимально анонимизируя и обезличивая его, сводя к предзаданной функции: «В структуре брошенности, равно как и наброска, по сути, заложена ничтожность. И она есть основание для возможности ничтожности несобственного присутствия в падении, каким оно всегда уже фактично бывает. <...> Быть брошенным значит экзистенциально: быть в том или ином расположении. Расположение поэтому основывается в брошенности» [Хайдеггер, 2003: 321, 380].

Думаю, что проектировщики не подразумевали подобного эффекта — они лишь стремились оптимально и на уровне современных технологических

решений организовать производственный процесс, учитывая, вероятно, и то, что здесь будет работать много людей, для которых невольно нужно делать соответствующую инфраструктуру, отнимающую столь ценное пространство от складского предназначения места. В комплексе имеется столовая и вендинговые машины с кофе и сэндвичами, однако дневник раскрывает степень вне-человечности и подчиненности этого пространства интересам капитализма, где работник — по сути, помеха, которую хотелось бы элиминировать из производственного процесса, но пока не удается:

«Направляюсь на М6, поднимаюсь в столовую. Беру куриную ножку с гречкой, салат с яйцом, овощной суп и ягодный компот. Где-то вдали мелькает мысль, что в столовой никогда нет ножей — только вилки и ложки. Ем без аппетита. Курица очень жесткая. Гречка раздваивается перед глазами: я явно засыпаю. Усилим воли фокусирую зрение. Не доев, ухожу из столовой, и возвращаюсь на склад».

В-третьих, перемещения по гигантскому отчужденному комплексу носят механический характер брожения по бесконечным одинаковым коридорам подземного бункера или заброшенной космической базы в первых версиях компьютерных шутеров от первого лица, подобных Doom, Wolfenstein, Quake и др., где главный герой следует одинаковыми коридорами и комнатами с унылой текстурой стен в поисках монстров, «ништяков» (запаса оружия, патронов и аптечек) и дверей на новый уровень. Так и работник склада находится в поисках подручных средств для работы или их замены, перемещаясь и путаясь в различных секторах маркетплейса. Он снова и снова попадает в эти монотонные пространства капитализма, обслуживающие потребности в удовольствии бесконечного потребления, но оказывающиеся столь убогими за холстом компьютерного экрана с нарисованными чудесами консьюмеризма, как в сказке Карло Коллоди. В дневнике можно обнаружить свидетельства автора, касающиеся буквальная пространственной дезориентации в секторах и объемах маркетплейса, когда ему приходится разбираться с тем, где именно он находится в данный момент и куда ему нужно идти:

«Выйдя из курилки, я решил пройтись по складу, но, опасаясь потеряться в этом огромном помещении, дошел только до входа. Около двери висели четыре больших экрана, на них было выведено расписание маршруток до различных общежитий, а также видео вводного инструктажа».

Поденщик платформенного капитализма

Так кем же является в этой системе работник низового уровня? Франк Руда в своей главе одной из важнейших современных монографий, интерпретирующих марксистские идеи, «Маркс в пещере» [Жижек, Руда, Хамза, 2020: 87–89] рассуждает о том, как капитализм сводит рабочего к состоянию

неполноценного животного, производит его «анимализацию», используя в своих прагматических интересах: «обычная заработная плата есть самый низкий минимум, совместимый с «простой человечностью», то есть с животным уровнем существования» [Маркс, 1972: 47]. Этот тезис перекликается с наблюдениями автора дневника, оказавшегося винтиком огромной машины производства потребления — винтиком, который в каком-то смысле находится на нижней ступени иерархии производства, наверное, даже ниже, чем ТСД (терминал сбора данных) — основной рабочий инструмент кладовщика. Ведь ТСД — неотъемлемая часть этой системы, его берегут (нельзя выносить и ломать), заряжают, хранят, он включен в компьютерные сети, тогда как рядовой работник склада настолько незначителен для этой машины, что ему не требуется даже писать заявление об увольнении (и многих компания не осведомляет о правилах увольнения) — чтобы совершить эту обратную инициацию освобождения, всего лишь нужно уйти и не приходить обратно в течение нескольких месяцев.

Ф. Руда пишет: «Политической экономии рабочий известен только в качестве животного. Следовательно, капитализм как бы превращается в гигантский зоопарк с «обесчеловеченным человеком»» [Жижек, Руда, Хамза, 2020: 92]. При этом, по мнению Руды, рабочий лишается капитализмом даже и этой привилегии быть животным, так как наделяется «редуцированной и произведенной животностью», суммой «изолированных частных телесных функций» [Жижек, Руда, Хамза, 2020: 96]. Таким образом, рабочий — это «животное, лишённое своей животной природы» [Жижек, Руда, Хамза, 2020: 101], которое, как отмечал Маркс, становится придатком «механического чудовища, тело которого занимает целые фабричные здания», куда «рабочие присоединены как сознательные органы» [Жижек, Руда, Хамза, 2020: 102].

Пространство логистического центра маркетплейса и организация управления армией низового персонала заставляют задуматься над рассуждениями о том, что рабочий не просто сводится к животному, о котором необходимо заботиться и даже проявлять эмпатию — ведь, например, крестьянин или ямщик находился в тесном эмоциональном контакте с принадлежащей ему лошади. При этом работник РЦ — это живой придаток к ТСД, функционал которого необходим лишь в той мере, в какой алгоритмические системы компании не могут сами осуществлять распознавание, сборку и сортировку товаров:

«Я подошел к хабу и попросил ТСД, сказав: “Мне обычный”. Сотрудник ухмыльнулся и ответил, что может выдать обычный и необычный, и выдал мне ТСД с “пальцем”. Я взял батарейки из коробки с надписью “ЗАРЯЖЕН”, вставил их в терминал и “палец” и включил устройство. Затем я установил крепление на предплечье, что оказалось менее удобно, чем я ожидал. Крепление представляет собой черный ремешок со специальной пластиковой платформой, на который устанавливается и закрепляется ТСД. Я быстро заметил, что крепление с установленным ТСД держится на руке плохо и постепенно соскальзывает вниз к ладони, так что мне приходилось постоянно его поправлять или перевязывать ремешок».

Кажется, компания сознательно старается бихеовиоризировать поведение работника, свести его действия к подчинению указаниям алгоритмов, вшитых в ТСД, и в этом отношении уже трудно сказать, кто управляет своим телом, темпоральностью и способами действия — сам работник или конгломерат компьютеризированных систем контроля, надзора и операционного управления. Это не значит, однако, что работник абсолютно лишен субъектности и сведен к состоянию «неполноценного животного», к придатку электронной машины управления:

«После обработки всего стеллажа чаще всего ТСД давал задание начинать МХ на стеллаже следующего по порядку номера (например, если я обработал 81-й, то следующий был 82-й). Иногда, однако, ТСД давал задания перейти на другой ряд. Полагаю, объясняется это следующим: при наличии нескольких стеллажей подряд, где инвентаризация еще не проведена, ТСД дает задания идти по ним; если на следующем стеллаже уже проведена инвентаризация, он переводит сотрудника на тот ряд, где есть стеллажи, на которых инвентаризация еще не была».

В полевом дневнике можно найти отсылки к различного рода «поломкам» системы, приводившим, судя по местной мифологии, к ошеломительно высоким заработкам в определенные моменты времени и на некоторых видах работ. Эти «поломки», однако, довольно скоро вычислялись и устранялись — вводились запреты на превышение выработки по данному виду деятельности или даже штрафы. Также некоторые относительные «старожилы» маркетплейсов рассказывали истории о «лайфхаках» системы, которые относились либо к киберхакингу ТСД для манипулирования выработкой, либо к выстраиванию примитивных микросетей доверия и круговой поруки, включая наем семейным подрядом, когда жена и муж помогают друг другу, работая на смежных участках. Тем не менее исследователь слышал эти истории случайно, рассказчики старались не раскрывать деталей, а сами истории относились не к личному опыту рассказчиков, а тоже были ими якобы услышаны от кого-то. Иными словами, нельзя исключать, что исследователь имел дело с проявлениями местного фольклора, а машина управления маркетплейса в целом не способствовала зарождению даже минимальных условий для доверия и солидарности в каком-то более протяженном виде, нежели разовая помощь в режиме «здесь и сейчас».

В социологии профессий одним из центральных понятий является концепт «профессионализация» [Jackson, 1970: 1–15; Macdonald, 1995; Hoyle, John, 1995], который означает, среди прочего, систему институционализированного накопления специального знания, его передачи и воспроизводства в трудовом процессе. Конечно, вершиной профессионализации в этом разрезе являются сложные профессионализированные занятия, интеграция в которые индивида происходит в течение длительного времени и требует, с одной стороны, освоения сложных теоретических знаний и обретения практических навыков, а с другой — делает необходимой длительную культурную социализацию

в сообщество, с пониманием его формальных и неписаных правил, сленга и этических норм, далеко не все из которых отражены в соответствующих кодексах. До недавнего времени подобный путь профессионализации проходили врачи, юристы, ученые и представители некоторых арт-профессий. Конечно, только небольшая часть рабочих периода промышленного капитализма проходила более короткий, но в чем-то схожий путь интеграции в свою специализацию, и это были «синие воротнички», или «рабочая аристократия», занятая на сложных и требующих высокой квалификации работах, однако основная часть рабочей силы проходила лишь минимальную подготовку.

Автор дневника в деталях описывает свой путь обучения различным специализациям внутри РЦ, которое, кроме поверхностного вводного инструктажа, свелось к взаимному обучению — работники просто ситуативно помогали друг другу. При этом супервайзер, проводившая вводный инструктаж, сама стимулировала работников к обучению по месту работы, предлагая им задавать вопросы другим сотрудникам, идентифицируя себя как «новенького»:

«Если кто-то будет говорить вам, что вы новенький и вы тут что-то не вправе делать, у нас здесь новеньких-стареньких нет, мы все работаем. Поэтому работайте очень внимательно, но и себя в обиду не давайте. Пожалуйста, не делайте ничего от себя, делайте, как вам скажут. И если что, не забывайте волшебное слово “новенький”. Через меня проходят ежедневно тысячи, и я иногда не... Ну, вы понимаете. Поэтому если у вас возник вопрос, если вы чего-то не понимаете, говорите: “Я новенький”, “Я работаю первые дни”, и вам обязательно подскажут» (Из вводного инструктажа супервайзера).

Исследователь именно так и узнавал о тонкостях технологического процесса и организации труда на различных участках, хотя в процессе вхождения в новый вид деятельности и делал множество ошибок, некоторые из которых стоили ему начисления штрафов. Таким образом, компания превратила армию временной рабочей силы в некое подобие самообучающейся системы, отдельные единицы которой должны самостоятельно обретать необходимый уровень профессионализма за счет горизонтального обмена знаниями и «лайфхаками» с коллегами:

«—Ну вот смотри (собеседник исследователя поворачивается к гофре, стоящей рядом, и берет оттуда небольшой товар), ну вот такую х..ю например. Косметику, там, все такое. Можно много и быстро пропикать. А так попадетя тебе КГТ — крупногабаритка — пиков будет мало, и сил еще потратишь дох... В общем, если че, иди тоже к нам коробки пикать (улыбается). Тут коробки и предсорт — наверное, самое нормальное.

— А что такое предсорт?

— Ну видишь, там люди стоят, раскидывают товары по разным гофрам? Вот это предсорт, а мы там, подальше».

С одной стороны, это можно считать достижением корпоративной культуры, поскольку создает иллюзию саморазвивающегося социального организма, однако на уровне низового precarious персонала трудно вести речь о возможности выработки более-менее устойчивых элементов культуры профессионального сообщества из-за текучести кадров и фактического отсутствия устойчивых связей между рабочими. С другой стороны, по отзывам работников и по впечатлениям исследователя, в алгоритмизированную систему контроля над процессом труда встроены изощренные штрафы за различные нарушения, которые начисляются автоматически, и нередко появление этих штрафов связано с незнанием новым работником специфики труда на том или ином участке. По мнению многих работников, система ориентирована на достижение определенных показателей по штрафам, а значит, компания не заинтересована, чтобы работники были «слишком обучены» и делали мало ошибок.

Более того, в теории рыночной экономики рабочие рассматривались как один из видов капитала («труд»), а для того, чтобы им гибко управлять, капитализм стремился сделать его максимально ликвидным, то есть приблизить к универсальному ликвидному активу — деньгам. Поэтому усилия тейлористов, фордистов и, намного позже, сторонников «бережливого производства» были направлены на то, чтобы капитализм имел дело с максимально атомизированной, анонимизированной, лишенной субъектности и «клея социальных связей» рабочей силой, которую можно было бы нанимать и увольнять в любой момент, исходя из текущей рыночной конъюнктуры, и которая не смогла бы выражать организованные интересы, поскольку была лишена возможностей для формирования солидарностей. Н. Срничек считает, что обращение компаний платформенного капитализма с трудом по этим старым сценариям начала промышленного капитализма, когда поденщики «с утра просто приходят туда, где им может подвернуться работа» [Срничек, 2019: 71], связано с распадом коммунистических режимов, запустившим «усугубление пролетаризации и рост численности «избыточного» населения» [Срничек, 2019: 32].

Наем обнищавших бродяг в качестве сезонных рабочих в сельском хозяйстве или же оптимизированное конвейерное производство Генри Форда, где почти сразу можно было стать работником на простых операциях — все это часть одного процесса сведения субъектности рабочего класса к абстракции максимально ликвидной формы капитала — труда: «Большая часть наших рабочих не посещала школ, они учатся нескольких часов или дней. Если за это время они не поймут, что от них требуется, мы с ними расстаемся. Многие из них иностранцы, и все, что мы от них требуем, прежде чем принять в штат, — это чтобы они потенциально могли окупить пространство, которое занимают на фабрике» [Форд, 2013: 61].

Конечно, подобный идеал трудового капитала до недавнего времени был труднореализуем, так как промышленные технологии требовали весомой доли «синих воротничков», обладавших профессиональной субъектностью и солидарностью — и тот же Генри Форд говорил, что работающие у него квалифицированные рабочие и служащие «занимаются экспериментальным производством, управляют техникой, конструируют станки и шаблоны деталей»

[Форд, 2013: 61]. К тому же профсоюзное движение к середине XX века смогло отвоевать заметные социальные гарантии в сфере занятости для работников, которые, впрочем, уже более чем четверть века как ужимаются подобно шагреновой коже. Колин Крауч в этой связи отмечает, что, «учитывая практически повсеместное снижение показателей членства в профсоюзах, сужение зоны коллективных соглашений... мы приходим к выводу, что в большинстве случаев уровень защищенности наемных работников, предлагаемый автономным представительством их интересов, резко снизился» [Крауч, 2020: 64].

При этом неолиберальный менеджериализм в государственном управлении и формирование «легкого» глобализованного финансового капитализма в 1980–1990-х годах [Бауман, 2008: 62–67] вместе с развитием компьютеризированных технологий контроля и управления производством, переходом на постфордистскую модель менеджмента [Шевчук, 2002: 46–61] стали той констелляцией условий, которая позволила пересмотреть фундаментальные основы общественного договора между работодателями и работниками и последовательно «либерализовать» ключевые позиции этого договора под лозунгами повышения «гибкости человеческого капитала»¹ и «освобождения» работников. В связи с этими трансформациями все более распространилась «прекарная занятость» [Прекарная занятость, 2021] — работа «по требованию» (on-call) и трудовые договоры с «нулевым временем» («zero-hours» contracts), когда оплачиваются только отработанные часы [Крауч, 2020: 16]. Дальнейшей эволюцией этого подхода становится перевод работников в статус самозанятых или даже «индивидуальных предпринимателей» под циничными лозунгами дальнейшего их «освобождения» от узды постоянной занятости в наемном режиме. Напомним, что писал Зигмунд Бауман о том, как труд долгое время оставался привязанным к месту, когда другие виды капитала стали более легкими: «В своей “тяжелой” стадии капитал был в той же степени привязан к земле, что и рабочие, которых он нанимал. Теперь капитал путешествует налегке — с багажом, состоящим лишь из портфеля, сотового телефона и портативного компьютера. <...> Труд, вместе с тем, остается таким же неподвижным, каким он был в прошлом, но место, к которому однажды, как ожидалось, он будет привязан раз и навсегда, потеряло свою былую надежность; в напрасном поиске каменистого дна якорь падает на рыхлый песок» [Бауман, 2008: 66].

В некоторых сегментах сферы занятости это привело к тому, что идеал труда как абсолютно ликвидной и «легкой» формы капитала был достигнут — и это компании «платформенного капитализма», опирающиеся на модель привлечения так называемых самозанятых, которым не предоставляется статус наемного работника, и это лишает данную рабочую силу практически всех гарантий в области социального обеспечения, охраны труда и порядка найма и увольнения.

Службы такси [Шевчук и др. 2021: 356–381], организованные по принципам «уберизации», службы онлайн-доставки и некоторые другие городские сервисы

¹ Корни этого перехода на дискурс «гибкости» в управлении исследовали Л. Болтански и Э. Кьяпелло в своей классической работе «Новый дух капитализма» [Болтански, Кьяпелло, 2011].

относятся к группе компаний, использующих преимущества цифровизации, в том числе и в сфере привлечения временной рабочей силы. Между тем, по мнению Н. Срничека, будущее «скорее за компанией Amazon, чем за Google или Uber» [Срничек, 2019: 112], поскольку соединение вместе алгоритмов организации торговли, управления поставками, возможностей интернета как пространства e-commerce, включения в цепочку материального потребления миллионов людей и ресурс привлечения десубъективированной дешевой рабочей силы — «цифровых поденщиков» дает мультиплицирующий эффект, снижающий риски упадка в силу старения аудитории или падения моды на социальную сеть, как в случае с известной компанией под управлением Марка Цукерберга.

В этой связи необходимо поговорить о неявной, но важной роли маркетплейсов в жизни России в «постфевральский» период 2022 года. Проникновение точек доставки и выдачи товаров таких крупных компаний e-commerce, как Ozon и Wildberries, в крупные города и районные центры страны оказалось столь глубоким и масштабным, что, по-видимому, дало возможность, во-первых, сбить покупательский ажиотаж в обычных торговых центрах в первые недели после 24 февраля, а во-вторых, онлайн-торговля смогла поддержать бесперебойное функционирование потребительского общества, создавая эффект «нормальности» в непростые времена беспрецедентных санкционных ограничений и ухода из России сотен зарубежных брендов. Конечно, какие-то товарные позиции закрылись и, безусловно, структура товарного предложения на ключевых российских площадках e-commerce меняется и будет продолжать меняться, но их бесперебойная работа поддерживает устойчивое впечатление товарного изобилия и непроблематизированного хода обычной жизни, несмотря на военные действия и разрыв практически всех отношений с западными странами. К тому же маркетплейсы воспользовались программой «параллельного импорта» и продолжают торговлю товарами производителей, ушедших с отечественного рынка.

Иными словами, роль ведущих российских маркетплейсов вышла за пределы сферы занятости, экономики и потребления и стала политическим и психологическим фактором, поддерживающим иллюзию нормального хода жизни у многих жителей страны. Возможно, стоит предположить, что не «телевизор» оказывает «усыпляющее» воздействие на население в столь турбулентные времена, а работающие пункты доставки самых популярных маркетплейсов, расположенные в шаговой доступности. Можно ожидать, что маркетплейсы из чисто рыночных акторов могут превратиться в структуры, находящиеся под влиянием государства, переводящего экономику на рельсы корпоративистской модели управления с элементами позднесоветского централизованного регулирования (это уже наблюдается на примере ситуации с «Яндексом» и переходом значительной части медийных активов компании под контроль квазигосударственной VK, из-за чего исчезла привычная заглавная страница ведущего российского поисковика). Это не означает превращение российских маркетплейсов в цифровизированный аналог системы советской торговли, но означает, что они тем или иным образом будут включены в комплексную модель governmentality, формирующуюся в стране здесь и сейчас.

Заключение

Этот очерк не охватывает всего богатства сюжетов, которые имеются в доступных для анализа полевых дневниках «поденщика маркетплейса». Я сосредоточился на нескольких темах, впечатливших меня в процессе изучения полевых материалов. Прежде всего, я увидел, что пространственная организация логистического центра вместе с системами контроля и надзора создает эффект десубъективации работника, превращая его не просто в безуспешно следящего за лентой конвейера героя Чарли Чаплина из сатирического фильма о наступлении машинной эпохи «Новые времена» (1936 г., реж. Ч. Чаплин), но, по выражению Руда, сводящего его к функции «неполноценного животного». Развивая эту линию суждений, я обращаюсь к теме профессионализма и обучения работы на складе маркетплейса, и здесь также можно увидеть, как платформенный капитализм превращает занятых в «цифровых поденщиков», лишенных возможности для устойчивой солидарности, а значит, превращенных в анонимизированный капитал подсобного труда. В целом сам стиль и ткань авторского повествования в дневнике дают массу материала для размышления в этом направлении.

В заключение отдельно хочу остановиться на уникальности собранного полевого материала и личного опыта исследователя — включенного наблюдателя. Сегодня тема «цифровой экономики», «интернет-занятости», «уберизации работы», «платформенного капитализма» и прекарной работы стала модной среди российских социологов. При этом лишь очень немногие, во-первых, используют метод включенного наблюдения и этнографию для сбора данных, во-вторых, редко непосредственная практика труда рабочих становится объектом внимания исследователей. В большинстве своем изучение работников цифрового капитализма осуществляется посредством опросов [Стребков, Шевчук, 2022], дающие, возможно, и валидные, но «холодные данные», которые лишь ограниченно могут стать источником содержательного знания о мире и повседневности труда. Конечно, эти данные удобны для анализа и обобщений, понятных в том числе государственным органам, однако есть риски упустить важное в изменчивых событиях, происходящих на рабочих местах цифровых и товарных платформ. Более насыщенное описание, открывающее перспективы для теоретических инсайтов, обнаруживается при работе с материалами интервью участников событий [Хумарян, 2021], хотя и там, как в моем случае анализа собранного не мной полевого материала, есть ограничения, связанные с тем, что информант становится невольным интерпретатором, а исследователь может методически (например, через триангуляцию данных) ограничить влияние этих интерпретаций, если они сами не являются предметом изучения.

Я уверен, что методы включенного наблюдения могут рассматриваться как важный, хотя и незаслуженно находящийся на периферии исследовательского внимания (возможно, из-за трудоемкости и эмоциональных вызовов), подход к изучению быстрых изменений в сфере труда в контексте исследований занятых и профессий платформенного капитализма. Также я надеюсь, что автор этого дневника еще напишет тексты, основанные на собранных материалах, впечатлениях и проделанной эмоциональной работе.

Литература

- Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. А.С. Комарова. СПб.: Питер, 2008. EDN: QOABEJ
- Болтански Л, Кьяпелло Э. Новый дух капитализма / Общ. ред. С. Фокина. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Гудова Е. А. «Ну, это же Почта!»: как происходят истории в организациях, а организации в историях // Этнографическое обозрение. 2018. № 3. С. 151–167. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0869541518030119>. EDN: XQLCFN
- Жижек С., Руда Ф., Хамза А. Читать Маркса. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.
- Крауч К. Победители гиг-экономика. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.
- Максимова А. С. Анализ полевых дневников в контексте производства этнографических текстов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1 (107). С. 128–140. EDN: OQMGKB
- Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 42. М.: Политиздат, 1972.
- Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М.: НЛО, 2017.
- Пинчук О. В. Как возможно этнографическое исследование труда в России? Демаргинализация этнографии в поле прикладного исследования // Социология власти. 2021. Т. 33. № 3. С. 109–130. DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2021-3-109-130>. EDN: CBZYRL
- Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь мир, 2021.
- Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
- Стребков Д. О., Шевчук А. В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2722-1>. EDN: GYGZLX
- Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. М.: ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2013.
- Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Библихина. Харьков: «Фолио», 2003.
- Хумарян Д. Г. Режимы организации труда в гибких фирмах: социологический анализ практик менеджмента (на примере ИКТ и креативных индустрий): Дис. ... канд. соц. наук: 22.00.03. М.: НИУ ВШЭ, 2021.
- Шевчук А. В. От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике // Социология власти. 2020. Т. 32. № 1. С. 30–54 DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-1-30-54>. EDN: XHQTOI
- Шевчук А. В. Постфордистские концепции как исследовательская программа // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2. С. 46–61. EDN: OYUWOP
- Шевчук А. В., Чижова Д. А., Демина Д. Е., Чугункова В. А. Труд водителей такси в условиях алгоритмического управления // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 356–381. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1934>. EDN: TFWRXS
- Bergvall-Kareborn B., Howcroft D. Amazon Mechanical Turk and the Commodification of Labour // New Technology, Work and Employment. 2014. Vol. 29. № 3. P. 213–223. DOI: <https://doi.org/10.1111/ntwe.12038>
- Delfanti A. The Warehouse: Workers and Robots at Amazon. London: Pluto Press, 2021.
- Fernández-Macías E. Automation, Digitalisation and Platforms: Implications for Work and Employment. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018.
- George E. Marcus Where Have all the Tales of Fieldwork Gone? // Ethnos. Journal of Anthropology. 2006. Vol. 71. № 1. P. 113–122. DOI: <https://doi.org/10.1080/00141840600603244>
- Hoyle E, John P. Professional Knowledge and Professional Practice. London: Cassell, 1995. DOI: <https://doi.org/10.2307/3121708>

Jackson J. Professions and Professionalization Editorial Introduction // Professions and Professionalization / Ed. by Jackson J. London: Cambridge University Press, 1970. P. 1–15.

Maanen J. Van. Tales of the Field: On Writing Ethnography. Chicago: University of Chicago Press, 1988. DOI: <https://doi.org/10.2307/590904>

Sardan J.-P. O. Epistemology, Fieldwork, and Anthropology. New York: Palgrave Macmillan, 2015. P. 83–103. DOI: <https://doi.org/10.1057/9781137477880>

Сведения об авторе:

Абрамов Роман Николаевич — доктор социологических наук, профессор кафедры анализа социальных институтов, департамент социологии, факультет социальных наук, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции и ИГИТИ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИЦ РАН, Москва, Россия. E-mail: rabramov@hse.ru. PИИЦ Author ID: 127074; ORCID ID: 0000-0002-4967-1169; ResearcherID: H-4728-2015.

Статья поступила в редакцию: 03.08.2022

Принята к публикации: 09.09.2022

In the Grip of the Algos: Stories of a Precarious Worker of Platform Capitalism

DOI: 10.19181/inter.2022.14.3.2

Roman N. Abramov HSE University, Moscow, Russia;
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia
E-mail: rabramov@hse.ru

Marketplaces and e-commerce are at the forefront of changes associated with the development of platform and digital capitalism. Changes in the nature of hiring and the status of workers in platform capitalist companies reflect general employment trends. At the same time, the work of hundreds of thousands of workers in this segment is poorly studied, and explanations of its nature are mainly theoretical. This article is based on an analysis of an array of diary entries by Russian social ethnographer Andrey Starovoitenko, who worked for several months in the distribution center of one of the leading Russian marketplaces. The article is part of a column devoted to the analysis of materials from an ethnographic study of labor in the marketplace. The article draws attention to the role of anonymized marketplace spaces in the desubjectivization of workers who feel like a simple continuation of a complex digitalized socio-technical system. The text talks about the place of digital surveillance and control and the role of special equipment in integrating unskilled personnel into the complex algorithmic system of the marketplace. Separately, the issue of desubjectivization of marketplace workers and the limitations of professional socialization is considered. The conclusion is made about the place of precarious wage labor in e-commerce, taking into account the desire to transfer unskilled labor into the state of digital day laborers deprived of contractual relations with the company. To reveal the main plots, the Amazon research

by A. Delfanti, the theoretical resources of Roth's neo-Marxist interpretations of the labor sphere, Z. Bauman's concepts of light capitalism, and selected theses of the actor-network theory are involved. In addition, the article refers to examples of social criticism of labor in the factories of platform capitalism, reflected in modern cinema.

Keywords: platform labor; digital capitalism; precariat; day laborers; labor space; e-commerce; marketplace

References

- Bauman Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity] / Transl. from Eng. by A. S. Komarova. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Bergvall-Kareborn B., Howcroft D. (2014) Amazon Mechanical Turk and the Commodification of Labour. *New Technology, Work and Employment*. Vol. 29. No. 3. P. 213–223. DOI: <https://doi.org/10.1111/ntwe.12038>
- Boltanski L, Chiapello E (2011) *Novy`j duh kapitalizma* [The New Spirit of Capitalism]. Ed. by S. Fokina. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Crouch C. (2020) *Pobediteli gig-e`konomika* [Will the Gig Economy Prevail]. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)
- Delfanti A. (2021) *The Warehouse: Workers and Robots at Amazon*. London: Pluto Press.
- Fernández-Macías E. (2018) *Automation, Digitalisation and Platforms: Implications for Work and Employment*. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Ford G. (2013) *Moya zhizn`, moi dostizheniya* [My life and work]. Moscow: "Mann-Ivanov-Ferber". (In Russ.)
- George E. Marcus (2006) Where Have all the Tales of Fieldwork Gone? *Ethnos. Journal of Anthropology*. Vol. 71. No. 1. P. 113–122. DOI: <https://doi.org/10.1080/00141840600603244>
- Gudova E. A. (2018) "Nu, e`to zhe Pochta!": kak proisxodyat istorii v organizatsiyax, a organizacii v istoriyax ["Well, That's the Postal Service!": How Organizations Produce Stories and Stories Shape Organizing]. *Etnograficheskoe Obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 3. P. 151–167. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.7868/S0869541518030119>
- Hoyle E, John P. (1995) *Professional Knowledge and Professional Practice*. London: Cassel. DOI: <https://doi.org/10.2307/3121708>
- Jackson J. (1970) Professions and Professionalization Editorial introduction. In: Jackson J. (ed.) *Professions and Professionalization*. London: Cambridge University Press. P. 1–15.
- Maanen J. Van. (1988) *Tales of the Field: On Writing Ethnography*. Chicago: University of Chicago Press. DOI: <https://doi.org/10.2307/590904>
- Maksimova A. S. (2012) *Analiz polevy`x dnevnikov v kontekste proizvodstva e`tnograficheskix tekstov* [Analysis of Field Diaries in the Context of the Production of Ethnographic Texts]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: e`konomicheskie i social`ny`e peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Change]. No. 1 (107). P. 128–140. (In Russ.)
- Marks K. (1972) *E`konomiko-filosofskie rukopisi 1844 g.* [The Economical & Philosophic Manuscripts of 1844]. Vol. 42. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Ozhe M. (2017) *Ne-mesta. Vvedenie v antropologiyu gipermoderna* [No-places. Introduction to the Anthropology of Hypermodernity]. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Pinchuk O. V. (2021) *Kak vozmozhno e`tnograficheskoe issledovanie truda v Rossii? Demarginalizatsiya e`tnografii v pole prikladnogo issledovaniya* [How is Ethnography of Work Possible in Russia? Demarginalization of Ethnography in the Field of Business Research]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power]. Vol. 33. No. 3. P. 109–130. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2021-3-109-130>

Sardan J.-P. O. (2015) *Epistemology, Fieldwork, and Anthropology*. New York: Palgrave Macmillan. P. 83–103. DOI: <https://doi.org/10.1057/9781137477880>

Shevchuk A.V., Chizhova D.A., Demina D.E., Chugunkova V.A. (2021) Trud voditelej taksi v usloviyax algoritmicheskogo upravleniya [The Work of Taxi Drivers Under Algorithmic Control]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: e`konomicheskie i social`ny`e peremeny`* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3. P. 356–381. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1934>

Shevchuk A.V. (2020) Ot fabriki k platforme: avtonomiya i kontrol` v cifrovoj e`konomike [From Factory to Platform: Autonomy and Control in the Digital Economy]. *Sociologiy vlasti* [Sociology of Power]. Vol. 32. No. 1. P. 30–54 (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-1-30-54>

Shevchuk A.V. (2002) Postfordistskie koncepcii kak issledovatel`skaya programma [Post-Fordist Concepts as a Research program]. *Ekonomicheskay sociologiy* [Economical Sociology]. Vol. 3. No. 2. P. 46–61. (In Russ.)

Srnichek N. (2019) *Kapitalizm platform* [Platform Capitalism]. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

Strebkov D.O., Shevchuk A.V. (2022) *Chto my` znaem o frilanserax? Sociologiya svobodnoj zanyatosti* [What Do We Know about Freelancers? Sociology of Free Employment]. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2722-1>

Toshchenko Zh.T. (ed.) (2021) *Prekarnaya zanyatost: istoki, kriterii, osobennosti* [Precarious Employment: Origins, Criteria, Features]. Moscow: Ves` Mir publ. (In Russ.)

Xajdegger M. (2003) *By`tie i vremya* [Being and Time]. Transl. from German by V.V. Bibixina. Kharkov: "Folio". (In Russ.)

Xumaryan D.G. (2021) *Rezhimy` organizacii truda v gibkix firmax: sociologicheskij analiz praktik menedzhmenta (na primere IKT i kreativny`x industrij)* [Regimes of Work Organization in Flexible Firms: a Sociological Analysis of Management Practice (on the Case of ICT and Creative Industries)]. Dis. kand. nauk. M.: HSE University. (In Russ.)

Xumaryan D.G. (2021) *Rezhimy organizacii truda v gibkix firmax: sociologicheskij analiz praktik menedzhmenta (na primere IKT i kreativny`x industrij): Diss. ... kand. sots. nauk: 22.00.03.* [Regimes of Work Organization in Flexible Firms: a Sociological Analysis of Management Practice (on the Case of ICT and Creative Industries). Thesis for the Degree of Candidate of Sociological Sciences: 22.00.03.] Moscow: HSE University. (In Russ.)

Zhizhek S., Ruda F., Xamza A. (2020) *Chitat` Marksa* [Reading Marx]. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

Author bio:

Roman N. Abramov — Doctor of Sociology, Professor, Department for Social Institutions Analysis, Faculty of Social Sciences, Leading Researcher, International Laboratory for Social Integration Research and IGITI, HSE University; Leading Researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia. **E-mail:** rabramov@hse.ru. **RSCI Author ID:** 127074; **ORCID ID:** 0000-0002-4967-1169; **ResearcherID:** H-4728-2015.

Received: 03.08.2022

Accepted: 09.09.2022